

"Многочисленные Катерины"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джон Грин

Многочисленные Катерины

John Green

An Abundance of Katherines

Copyright © John Green, 2006 All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Dutton Children's Books, a division of Penguin Young Readers Group, a member of Penguin Group (USA) LLC, A Penguin Random House Company

© Перевод. Зайцев В. А., 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

Моей жене, Саре Урист Грин, акrostих:

Славянская ее улыбка
Алмаза дороже и чище, она как
Рассвет среди горных вершин.
Амулет, хранящий от грусти она,
Удача ловца за диким зверем,
Родная и близкая, как сестра,
И пламенна, словно живая речь.
Спасает разбитое сердце верой,
Так, словно ей предначертано свыше
Гуманно протягивать дар безмерный,
Разрешающий мне свободу и смелость.
И в редкие приступы меланхолии -
Надежный бальзам от душевной боли.

«Удовольствие не в том, чтобы владеть.

Удовольствие это так: он и она в замкнутом пространстве - два непримиримых соперника».

Филип Рот, «Людское клеймо»

[один]

Наутро после школьного выпускного вундеркинд Колин Одинец, которого в тот день в девятнадцатый раз бросила девушка по имени Катерина, решил принять ванну. Колин предпочитал принимать ванну, а не душ, поскольку считал, что то, что можно делать лежа, никогда не стоит делать стоя. Как только вода нагрелась, он забрался в ванну и с бесстрастным выражением лица принялся рассматривать свои скрещенные ноги. Он понимал, хотя и очень смутно, что ванна ему уже мала и что его можно принять за взрослого, притворяющегося ребенком.

Когда Колину было четыре или около того, он прочитал книгу о греческом философе Архимеде, и теперь, глядя на свой плоский, но хилый живот, он вдруг вспомнил о нем. Архимед открыл, что масса тела, погруженного в воду, равна объему вытесненной им жидкости, и это открытие грек сделал, когда сидел в ванной. Как только ему в голову пришла эта светлая мысль, он прокричал «Эврика!» [1] и бросился бежать по улице нагишом. Еще в той книге говорилось, что великие открытия часто совершаются в моменты озарения. Колину тогда ужасно захотелось совершить какое-нибудь великое открытие, поэтому, когда мама вечером вернулась с работы, он спросил ее:

- Mam, у меня когда-нибудь будет озарение?

Мама взяла его за руку - она была взволнована:

- Что-то случилось, милый?

- Ничего. Просто... хочу озарение! - сказал он так, как другой мальчик попросил бы у родительницы черепашку-ниндзя.

Мама дотронулась до его щеки и улыбнулась. Она наклонилась к нему, и он чувствовал слабый запах духов и кофе.

- Ну конечно. Конечно же, милый, у тебя будет озарение, - сказала она.

Но все мамы врут. Такая у них работа.

Колин сделал глубокий вдох и скользнул вниз. Я плачу, подумал он, открыв глаза в едкой мыльной воде, в которую погрузился с головой. Мне кажется, что я плачу, значит, наверное, так и есть, хотя под водой точно не скажешь. Но он не плакал. Как ни странно, он был слишком расстроен, чтобы плакать. Слишком уязвлен. Ту его часть, которая была способна расплакаться, Катерина, та девушка, что его бросила, очевидно, забрала с собой.

Он открыл сливное отверстие, встал, обтерся полотенцем, оделся и вышел из ванной.

Родители сидели на его кровати.

Когда родители сидели в его комнате, это был знак - хорошего не жди.

В разное время это означало:

1. Твоя бабушка/дедушка/тетя-Сьюзи-которую-ты-никогда-не-видел-но-она-была-милой-умерла-очень-жаль-правда.
2. Эта твоя Катерина отвлекает тебя от учебы.
3. Дети рождаются в результате акта, который позже покажется тебе довольно любопытным, но пока что - жутким. А еще люди иногда используют детородные органы разными способами, не связанными с деторождением. Например, поцелуи бывают не только в лицо.

Но он никогда бы не дождался другого:

4. Девочка по имени Катерина звонила, пока ты был в ванной, и хотела извиниться. Она совершила ужасную ошибку, но все еще любит тебя и сейчас ждет внизу.

И все же он втайне надеялся, что родители пришли, чтобы сообщить ему последнюю новость, номер четыре. Колин был довольно пессимистичным юношей, но для Катерин, судя по всему, делал исключение: он всегда надеялся, что они вернуться. Его охватывало чувство взаимной любви, он ощущал вкус адреналина в горле. Может быть, не все еще кончено, может быть, он снова возьмет ее за руку, и она, смягчив свой громкий, резкий голос, шепнет: «Я тебя люблю» – тихо-тихо и быстро-быстро, как всегда. Она говорила «Я тебя люблю» так, будто это была страшная тайна.

Папа Колина встал и подошел к нему:

- Мне звонила Катерина. Она волнуется за тебя.

Колин почувствовал на плече руку отца, они оба подались вперед и обнялись.

- Мы тоже очень взволнованы, – сказала мама, миниатюрная женщина с густыми кудрявыми каштановыми волосами, в которые вплелась одна седая прядь. – Более того, мы ошарашены, – добавила она. – Что случилось?

- Не знаю, – тихо сказал Колин, уткнувшись в папино плечо. – Я ей просто... просто надоел. Она устала. Так она сказала.

Мама встала и крепко обняла его, потом еще крепче, еще и еще, а потом расплакалась. Колин вырвался из ее удушающих объятий и сел на кровать. Ему вдруг нестерпимо захотелось, чтобы родители ушли, иначе он взорвется. В буквальном смысле. Расплещет кишки по стенам, а свой великолепный мозг по белой простыне.

- Что ж, нам нужно сесть и оценить твои перспективы, – сказал папа Колина. Он любил все оценивать. – Не думай, что я не сочувствую твоему горю, но, похоже, летом у тебя будет много свободного времени. Может, запишешься на летние курсы в университете?

- Мне очень нужно побыть одному... хотя бы сегодня, – ответил Колин с напускным спокойствием, надеясь, что родители все-таки уйдут и он не взорвется. – Может, оценим перспективы завтра?

- Конечно, милый, – сказала мама. – Мы весь день будем дома. Спускайся, когда захочешь. Мы любим тебя, Колин, ты особенный мальчик. Не расстраивайся из-за этой девочки – ты прекрасен, гениален и...

Но тут особенный, прекрасный, гениальный мальчик бросился в туалет, где его вывернуло наизнанку. Если подумать, это было немного похоже на взрыв.

- Колин! – закричала мама.

- Оставьте меня одного, – прокричал Колин из туалета. – Пожалуйста.

Когда он вышел, родители уже ушли.

На протяжении следующих четырнадцати часов, не прерываясь на то, чтобы поесть, попить или снова опустошить желудок, он читал и перечитывал свой выпускной альбом, который получил всего четыре дня назад. Кроме обычной ерунды, которая бывает в выпускных альбомах, в нем было сто двадцать восемь записей, сделанных от руки. Двенадцать из них ничего особенного и собой не представляли, пятьдесят шесть отмечали его ум, двадцать пять

гласили, что писавшие хотели бы лучше его узнать, одиннадцать были признаниями в том, что с ним было весело учить английский, в семи упоминался «пупилярный сфинктер» [2] и невероятные семнадцать гласили «Оставайся крутым!». Но Колин Одинец не мог «оставаться крутым» по тем же причинам, по которым голубой кит не мог быть невесомым, а Бангладеш – богатым. Наверное, эти семнадцать человек шутили. Он задумался над тем, почему это вдруг двадцать пять его одноклассников, с которыми он проучился двенадцать лет, написали, что хотят «узнать его поближе». Можно подумать, у них не было такой возможности.

вернуться

1

«Нашел!» (греч.)

вернуться

2

Подробности позже.

Но большую часть этих четырнадцати часов Колин посвятил тому, что читал и перечитывал запись Катерины XIX:

«Кол!

Мы многое пережили вместе. И нас еще многое ждет впереди.

Я шепчу снова, снова и снова:

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Вечно твоя,

К-а-т-е-р-и-н-а».

В конце концов он решил, что на кровати лежать в его состоянии не стоит, потому что там слишком удобно, и перебрался на пол. Лег на спину, распластав ноги по ковру, и принялся подбирать анаграммы для слов «Вечно твоя», пока не нашел ту, которая ему понравилась: «Что я внове?» Он лежал, размышляя над тем, внове ли он, и повторяя про себя признание Катерины, которое успел выучить наизусть. Ему хотелось заплакать, но вместо этого он ощутил боль в солнечном сплетении. То, что он сейчас чувствовал, было куда хуже слез. Слезы, пусть самые горькие, дополняют тебя. А его чувство было опустошающим.

Вечно твоя... Что я, внове?

Он думал и думал об этом, а жгучая боль под ребрами все нарастала. Было так больно, будто ему задали самую сильную в его жизни взбучку. А ведь ему было с чем сравнить.

[два]

Колин лежал и страдал до десяти вечера, пока в его комнату не ворвался без стука лохматый и довольно упитанный юноша, ливанец по происхождению. Колин повернул голову, прищурился и посмотрел на него.

- Что стряслось? - спросил Гассан, едва не срываясь на крик.

- Она меня бросила, - ответил Колин.

- Да, я уж слышал. Эй, зитцинклер [3], я бы тебя с радостью утешил, но содержимым моего мочевого пузыря сейчас можно пожар потушить!

Гассан промчался мимо Колина и распахнул дверь в туалет.

- Что ты ел, Одинец? Пахнет как... ФУУУ! БЛЕВОТИНА! БЛЕВОТИНА! ФУУУ!

Гассан кричал, а Колин равнодушно подумал: «А, да. Туалет. Забыл смыть».

- Прости, если промазал, - сказал Гассан, возвращаясь в комнату. Он сел на край кровати и легонько пнул Колина, лежащего на полу. - Мне пришлось зажимать нос обеими руками, так что палка-громыхалка болталась, как маятник.

Колин не засмеялся.

- О, вижу, тебе и правда фигово, потому что а) шутки про палку-громыхалку - лучшие в моем репертуаре и потому что б) как можно забыть смыть собственную блевотину?

- Хочется сдохнуть, - монотонно произнес Колин, уткнувшись в сливочного цвета ковер.

- О боже! - вздохнул Гассан.

- У меня была мечта: добиться чего-то в жизни и завоевать ее любовь. И посмотри, что получилось. Нет, ну правда, посмотри, - с надрывом сказал Колин.

- Да смотрю я, смотрю. И скажу тебе, кафир [4], не нравится мне то, что я вижу. И то, что я чую носом, - тоже.

Гассан лег на кровать с таким видом, будто пытается оценить масштаб бедствия.

- Просто я... неудачник. Что, если на этом все и закончится? Что, если через десять лет я буду сидеть в офисе, возиться с цифрами и запоминать результаты бейсбольных матчей на спор? Что, если ее со мной не будет, а я ничего не добьюсь и останусь полным ничтожеством?

Гассан сел и положил руки на колени:

- Эй, друг, тебе нужно поверить в Аллаха. Мне никакая офиса не нужна, я и без нее счастлив, как свинья в дерьме.

Колин вздохнул. На самом деле Гассан не был таким уж набожным, но он часто пытался в шутку обратить Колина в свою веру.

- Ага. Поверить в Аллаха. Хорошая идея. А еще я бы с удовольствием поверил в то, что могу вылететь в открытый космос на спинах огромных пушистых пингвинов и кувыркаться с Катериной XIX в невесомости.

- Одинец, тебе больше всех, кого я знаю, нужно поверить в Аллаха.

- А тебе нужно учиться в колледже, - пробормотал Колин.

Гассан был старше Колина, но взял в школе «год отпуска». Потом он поступил в Университет Лойолы в Чикаго, но по причинам, известным только ему, не записался на осенний курс, и «год отпуска» мог превратиться в два.

- Слушай, друг, я тут точно ни при чем, - сказал Гассан с улыбкой. - Это не мне сейчас так фигово, что я валяюсь на полу как бревно и не могу даже подняться, чтобы смыть собственную блевотину. И знаешь, почему я в шоколаде? Потому что со мной Аллах.

- Ты опять пытаешься обратить меня в свою веру, - недовольно простонал Колин.

Гассан вскочил с кровати, взгромоздился на Колина, прижал его руки к полу и душераздирающе завопил:

- Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет - пророк его! Повторяй за мной, зитцинклер! Ла иллаха илла-лла! [5]

Колин попытался сбросить его и засмеялся, Гассан расхохотался следом:

- Я пытаюсь уберечь твою жалкую задницу от прямого попадания в ад!

- Слезь с меня, а то я и правда туда попаду, - прохрипел Колин.

Гассан послушался и мгновенно принял серьезный вид:

- Так в чем проблема?

- Проблема в том, что она меня бросила. В том, что я один. Боже, я снова один... Более того, если ты не заметил, я полный, полный неудачник. Я - бывший. Бывший парень Катерины XIX. Бывший вундеркинд. Это раньше я был вундеркиндом. А теперь я ничтожество.

Как Колин уже бесчисленное количество раз объяснял Гассану, между словами «вундеркинд» и «гений» была огромная разница. Вундеркинды очень быстро усваивают то, что другим уже известно, а гении открывают то, что прежде никому не было известно. Вундеркинды запоминают - гении творят. Большинство вундеркиндов, вырастая, не становятся гениями. И Колин был почти уверен, что входит в это злополучное большинство.

Гассан снова сел на кровать и почесал поросший щетинкой двойной подбородок:

- Так в чем проблема - в гениальности или в Катерине?

- Просто я ее очень люблю, - ответил Колин.

По правде говоря, для Колина эти проблемы были связаны. Самая главная проблема заключалась в том, что он - особенный, великолепный, гениальный - был... точнее, не был. Он не был значимым. Колин Одинец, знаменитый вундеркинд, не менее знаменитый ботаник и зитцинклер, ветеран Катеринских побоищ, не был значим для Ее Величества Катерины XIX и для всего остального мира. Внезапно он перестал быть чьим-то «мальчиком» и подающим надежды вундеркиндом. А это - выражаясь сложными словами, как подобает вундеркинду, - было отстойно.

- Гениальность, - фыркнул Гассан, пропустивший мимо ушей признание друга в любви к Катерине, - это фигня. Ты просто хочешь быть знаменитым.

- Нет, неправда. Я не хочу быть значимым, - возразил Колин.

- Вот. Как я и говорил, ты хочешь славы. Слава - это новая популярность. Новой топ-моделью Америки ты не станешь, зуб даю. Так что ты хочешь стать новым топ-гением Америки и теперь - не обижайся - ноешь, потому что до этого еще не дошло.

- Утешитель из тебя никудышный, - пробормотал Колин, уткнувшись в ковер.

- Вставай, - сказал Гассан, подошел к нему и протянул руку.

Колин ухватился за нее, подтянулся, а потом попытался снова лечь. Но Гассан вцепился в него мертвой хваткой:

- Кафир, у твоей сложной проблемы есть очень простое решение.

[три]

- Путешествие, - сказал Колин.

Они с Гассаном сидели на черном кожаном диване. У ног Колина лежали переполненная матерчатая сумка и туго набитый рюкзак, в котором не было ничего, кроме книг. На точно таком же диване напротив сидели родители Колина.

Мама Колина ритмично качала головой, как метроном.

- Куда? - спросила она. - И зачем?

- Не обижайтесь, миссис Одинец, - сказал Гассан, положив ноги на кофейный столик (чего нельзя было делать), - но вы не поняли. Куда и зачем - совершенно не важно.

- Подумай о том, сколько всего ты мог бы успеть за лето, Колин, - сказал папа. - Ты хотел выучить санскрит [6]. Я же знаю, как давно ты хотел его выучить. Разве бесцельная поездка принесет тебе счастье? Это совсем не похоже на тебя - вот так все бросить.

вернуться

3

Немецкое слово, означающее «хлюпик». Буквально: «мужчина, писающий сидя». Станный народ эти немцы - у них на все слово найдется.

вернуться

4

Кафир - нехорошее арабское слово, означающее «немусульманин»; обычно переводится как «неверный».

вернуться

Транслитерированное исламское утверждение веры, означающее «Нет Бога, кроме Аллаха».

вернуться

Как бы смешно это ни звучало, но Колин на самом деле очень хотел выучить санскрит. Среди мертвых языков санскрит – нечто вроде Эвереста.

- Бросить что, пап?

Отец молчал. Он всегда молчал после того, как ему задавали вопрос, а потом отвечал длинными предложениями без запинки, без э-э-э, ну-у-у и м-м-м, как будто заранее отрепетировал свой ответ.

- Мне больно это говорить, Колин, но если ты хочешь и дальше расти интеллектуально, то тебе придется работать над этим еще усерднее, чем раньше. Иначе ты рискуешь зря растратить свой потенциал.

- Мне кажется, – ответил Колин, – что я его уже растратил.

Может быть, это случилось благодаря тому, что Колин ни разу в жизни не разочаровывал своих родителей: не пил, не курил, не принимал наркотики, не подводил глаза тушью, не приходил домой поздно, не получал плохих оценок, не протыкал язык, не делал на спине татуировку «НЕ ЗАБУДУ КАТЕРИН». Была и еще одна причина: его родители, возможно, чувствовали себя виноватыми в том, что произошло. Или... Или им просто хотелось провести несколько недель наедине, чтобы оживить остывшие чувства. Но уже через пять минут после признания в том, что он растратил свой потенциал, Колин Одинец сидел за рулем своего длинного серого «олдсмобила», известного в узких кругах как Сатанинский катафалк.

В машине Гассан сказал:

- Ну, теперь осталось только заехать ко мне домой, взять одежду и волшебным образом убедить моих родаков отпустить меня в путешествие.

- Можешь сказать им, что нашел работу на лето, – предложил Колин. – В лагере или типа того.

- Ну да, только маме я врать не буду. Это нехорошо.

- Гм-м.

- Пусть ей кто-нибудь другой совет, если уж надо, – прозрачно намекнул Гассан.

- Хорошо, – кивнул Колин.

Еще через пять минут они припарковались на улице в чикагском районе Рейвенсвуд.

Гассан ворвался в дом как ураган. Колин плелся вслед за ним. Мама Гассана спала в кресле в

богато обставленной гостиной.

- Эй, мама! - крикнул Гассан. - Проснись.

Женщина вздрогнула, улыбнулась и поприветствовала ребят по-арабски.

Проводив глазами друга, направившегося в свою комнату, Колин, тоже по-арабски, сказал:

- Меня бросила девочка, и теперь я в глубокой депрессии, поэтому мы с Гассаном собираемся устроить себе... э... э... каникулы на колесах. Не знаю, как это по-арабски.

Миссис Харбиш укоризненно покачала головой.

- Разве я тебе не говорила не водиться с девчонками? - произнесла она по-английски с сильным акцентом. - Гассан - хороший мальчик, он не ходит на эти ваши свидания. Посмотри, как он счастлив. Бери с него пример.

- Именно это я и собираюсь делать во время нашей по ездке, - кивнул Колин, хотя это было бесконечно далеко от правды.

Гассан вернулся с доверху набитой одеждой полустегнутой матерчатой сумкой.

- Охибоке [7], мама, - сказал он, наклонившись, чтобы поцеловать ее в щеку.

Но тут в гостиную вошел мистер Харбиш, облаченный в пижаму.

- Ты никуда не поедешь, - сказал он по-английски.

- Па-ап! Да мы обязаны поехать! Ты посмотри на него. Он же похож на развалину. - Колин ссутулился, стараясь изо всех сил походить на развалину. - Он и без меня поедет, а я за ним хоть присмотрю.

- Колин хороший мальчик, - примирительно сказала миссис Харбиш своему мужу.

- Я вам буду звонить каждый день, - поспешил добавить Гассан. - Мы ненадолго. Вернемся, как только ему станет лучше.

Колину пришлось импровизировать.

- Я найду Гассану работу, - сказал он, обращаясь к мистеру Харбишу. - Думаю, нам обоим пора осознать важность упорного труда.

Мистер Харбиш одобрительно хмыкнул, а потом повернулся к сыну:

- По-моему, тебе пора осознать важность того, что не стоит зря тратить время на это жуткое шоу про судью Джуди [8]. Если через неделю ты мне позвонишь и у тебя будет работа, можешь ехать куда угодно и оставаться там сколько хочешь.

- Спасибо, пап, - робко пробормотал Гассан.

Затем поцеловал маму в обе щеки и вылетел за дверь.

- Вот козел! - сказал он, когда они сели в Сатанинский катафалк. - Одно дело - укорять меня в том, что я ленивый. Но порочить доброе имя лучшей телесудьи Америки - это уже ниже пояса.

Гассан уснул примерно в час ночи, и Колин, опьяненный одиночеством ночной автострады и выпитым на заправке кофе со сливками, мчал на юг через Индианаполис. Для начала июня вечер выдался жарким, а кондиционер в его Катафалке не работал уже пару тысяч лет, поэтому окна были открыты. Ему нравилось водить машину, потому что для этого требовалось внимание – на обочине машина... может, полицейский... надо притормозить... ага, обгоняем грузовик... сигналим поворот... смотрим в зеркало... что там?.. слепое пятно... нужно выгнуть шею... так, хорошо, уходим влево – короче, за рулем он почти забыл о зияющей дыре в своем животе, там, где солнечное сплетение.

Чтобы занять ум, он стал думать о дырах в других животах и вспомнил об эрцгерцоге Франце Фердинанде, убитом в 1914 году.

Глядя на кровавую дырищу в своем животе, эрцгерцог сказал:

– Это ерунда.

Он ошибся. Франц Фердинанд не был ни вундеркиндом, ни гением, но, без сомнения, он был значимой фигурой: его убийство спровоцировало Первую мировую войну, и за его смертью последовало еще восемь миллионов смертей – точнее, 8 528 831.

Колин тосковал по Катерине, и тоска бодрила его еще сильнее, чем выпитый кофе. Час назад Гассан попросился за руль, но Колин ему отказал, потому что вождение отвлекало от случившегося – не быстрее семидесяти миль в час... вау, как сердце колотится... ненавижу кофе... осторожно, грузовик... так, уходим вправо... вот, никого, только наши фары в темноте...

За рулем одиночество не казалось таким беспросветным. Кроме того, за рулем приходилось думать о вождении. Но где-то поблизости, вне досягаемости света фар, таилась все та же мысль: его бросили.

И сделала это девочка по имени Катерина.

Бросили его в девятнадцатый раз.

Когда дело доходит до девчонок (а в случае Колина дело до них доходило очень часто), каждый выбирает согласно своим предпочтениям. Предпочтения Колина касались не внешности – скорее они были лингвистическими: ему нравились Катерины. Не Кейти, не Кати, не Кэти, не Китти, не Кейт, не Кэт, не Рина, не Трина и, боже упаси, не Катрин. К-А-Т-Е-Р-И-Н-А. Он встречался с девятнадцатью девочками, и всех звали Катеринами. И все до единой его бросили.

Колин Одинец считал, что в мире существуют только два вида людей: Бросальщики и Брошенные. Многие скажут, что принадлежат к обоим видам, но они просто не понимают сути: дело в предрасположенности. Бросальщики не всегда разбивают сердца, а Брошенные не всегда остаются с разбитым сердцем. Но склонность к одному из этих двух типов есть у каждого [9].

Возможно, Колину уже пора было привыкнуть к взлетам и падениям в отношениях. Ведь у свиданий всегда один исход: печальный. Если подумать – а Колин думал об этом часто, – все романтические отношения оканчиваются либо 1) расставанием, либо 2) разводом, либо 3) смертью. Но Катерина XIX была другой – или, во всяком случае, казалась другой. Она любила его, а он отчаянно любил ее. И любит до сих пор. Он снова и снова повторял про себя: я люблю тебя, Катерина. Когда он разговаривал с ней, это имя звучало по-другому – не как имя, которое

так долго не давало ему покоя, а как слово, относящееся только к ней, описывающее длину ее ресниц и бездонную глубину голубых глаз. Это слово пахло фиалками.

Ветер выл, проникая в машину сквозь трещины в окнах, а Колин все еще размышлял о Бросальщиках, Брошенных и, попутно, об эрцгерцоге. На заднем сиденье Гассан рычал и сопел, будто ему снилось, что он - немецкая овчарка, и Колин, ощущая непрекращающееся жжение в области солнечного сплетения, подумал: ЭТО РЕБЯЧЕСТВО. ТЫ ЖАЛОК. СТЫДОВИЩЕ. ЗАБУДЬ. ЗАБУДЬ. ЗАБУДЬ. Но он не понимал, что именно нужно забыть.

вернуться

7

Я люблю тебя (*арабск.*).

вернуться

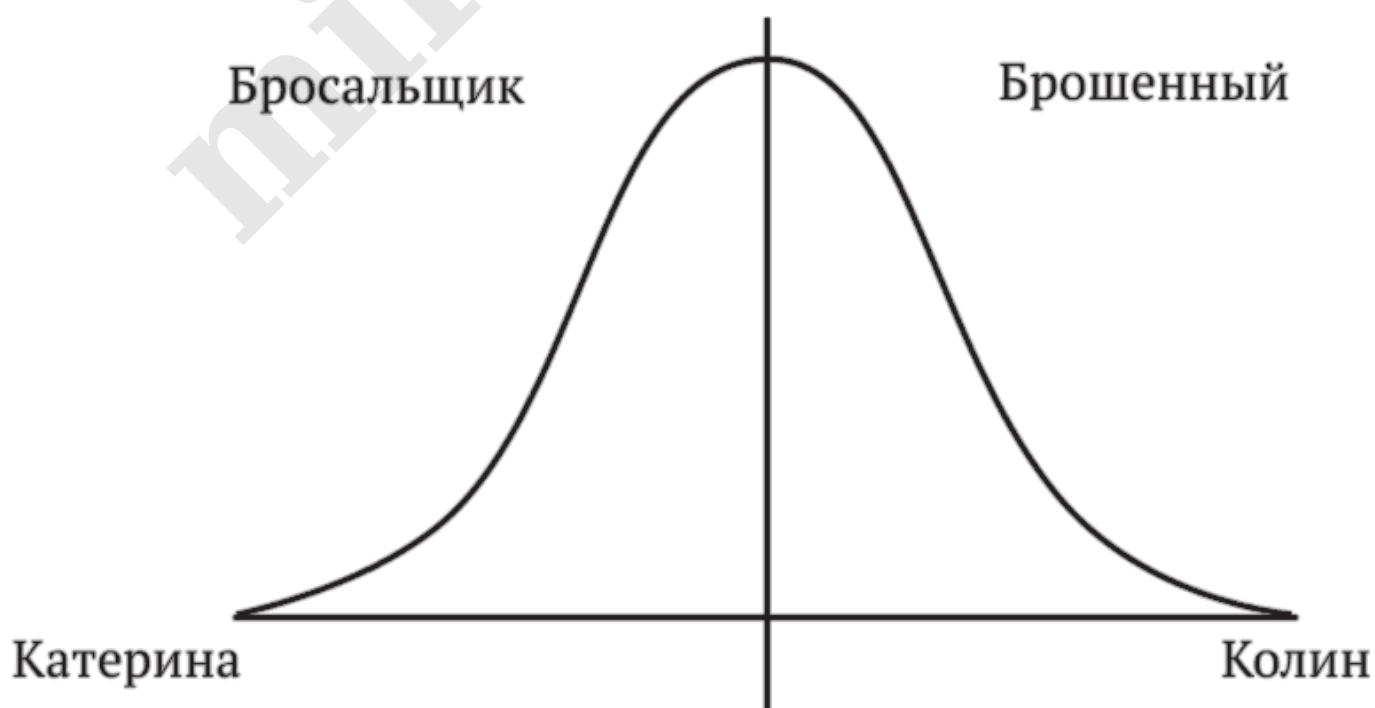
8

«Судья Джуди» - американское телевизионное шоу, представляющее собой имитацию гражданского судебного процесса. Ведущая шоу - судья Джудит Шейндлин. - *Примеч. пер.*

вернуться

9

Возможно, стоит представить это в виде графика. Колин представлял деление людей на Бросальщиков и Брошенных в виде колокола. Большинство людей находятся в его середине, то есть имеют слабо выраженную склонность к одному из типов. Но, кроме того, есть еще Катерины и Колин:

Катерина I: начало начала

Родители Колина считали его самым обычным ребенком, пока одним июльским утром не случилось вот что. Двадцатипятимесячный Колин сидел за маленьким кухонным столом на детском стульчике и ел на завтрак препротивное пюре зеленого цвета, а его папа, сидевший напротив, читал газету Chicago Tribune. Колин был худ, но высок для своего возраста. Его густые каштановые кудри с эйнштейновской непредсказуемостью топорщились во все стороны.

- Тли тлупа на Вест-Сайде, - сказал Колин, с трудом проглотив содержимое ложки. - Не хочу больше зеленки, - добавил он, показывая на тарелку.

- Что ты сказал, сынок?

- Тли тлупа на Вест-Сайде. Хочу жаленую калтошку, пожалуйста-спасибо [10].

Папа Колина перевернул газету и, поморгав, уставился на большой заголовок в верхней части первой полосы. Первое воспоминание Колина было таким: папа опускает газету, улыбается во весь рот и смотрит на него круглыми от удивления глазами.

- СИНДИ! НАШ МАЛЬЧИК ЧИТАЕТ! ГАЗЕТУ ЧИТАЕТ! - прокричал он.

Родители Колина были из тех, кто очень, очень любит читать.

Его мама преподавала французский в престижной Кальмановской школе в центре города, а папа был преподавателем социологии в Северо-Западном университете к северу от города. Поэтому после того, как на Вест-Сайде внезапно обнаружили «тли тлупа», они начали каждую свободную минуту читать вместе с ним: чаще по-английски, но иногда - красивые французские книжки с картинками.

Четыре месяца спустя родители отправили Колина в детский сад для одаренных детей. Но в детском саду сказали, что Колин слишком развит для их учреждения и, кроме того, они не принимают детей, не приученных к горшку.

Тогда родители отправили Колина к профессору психологии Чикагского университета.

И наш еще страдающий младенческим недержанием вундеркинд оказался в маленьком кабинетике без окон на южной стороне города, где женщина в очках с роговой оправой попросила его найти закономерности в рядах чисел и букв.

Еще она просила его переворачивать фигуры. Спрашивала, какой рисунок лишний. И, к радости Колина, она задавала ему десятки чудесных вопросов. К радости, потому что прежде его чаще всего спрашивали о том, не описался ли он и не хочет ли съесть «еще ложечку» той самой противной зеленки.

После часа вопросов женщина сказала:

- Благодарю за терпение, Колин. Ты особенный мальчик.

Ты особенный мальчик. Позже Колин часто слышал эти слова, но ему всегда хотелось слышать их еще чаще.

Затем женщина в очках с роговой оправой пригласила в кабинет маму Колина. Ей она тоже сказала, что Колин очень умный, особенный мальчик, а Колин в это время играл с

деревянными кубиками, на гранях которых были буквы. Он подцепил занозу, переставляя буквы в слове «стоп», так чтобы получилось «пост», – это была его первая анаграмма.

Женщина сказала маме, что талант Колина нужно развивать, но давить на мальчика не следует, и предостерегла ее:

- Не ждите от него слишком многого. Такие дети, как Колин, очень быстро усваивают информацию. Они легко сосредотачиваются на поставленной задаче. Но шансов получить Нобелевскую премию у него не больше, чем у любого другого сообразительного ребенка.

В тот вечер Колин вернулся домой, и папа принес ему новую книжку: «Пропавший кусочек» Шела Сильверстейна. Колин сел на диван рядом с папой и принялся читать, быстро перелистывая большие страницы маленькими ручками. Читая, он только один раз спросил у папы, что значит незнакомое слово. Перевернув последнюю страницу, он решительно захлопнул книгу.

- Понравилось? – спросил папа.

- Ага, – кивнул Колин.

Ему нравились все книги без разбора, потому что ему вообще нравилось читать – его завораживало, как буквы на листе бумаги превращаются в слова.

- О чем книжка? – спросил папа.

Колин положил книгу отцу на колени и сказал:

- В кружке не хватает кусочка.

- Кусочка?

Папа улыбнулся и положил теплую ладонь Колину на макушку.

- Да, пап, кусочка, там кружок, ну, как пицца, ищет пропавший кусочек. И сначала находит не те. А потом – тот самый. Но он его бросает. И на этом все заканчивается.

- А у тебя так бывает, что ты чувствуешь себя кружком, у которого пропал кусочек? – спросил папа.

- Пап, я не кружок. Я мальчик.

Улыбка папы чуть-чуть померкла – его сын-вундеркинд умел читать, но еще не все понимал. Ведь если бы Колин понял, что в кружке из книжки он должен увидеть себя, – он понял бы и то, что со временем ему тоже придется пережить неприятное чувство, когда пропадает кусочек тебя.

Все это походило на еще одну историю, которую Колин запомнил, но не понял до конца: если бы он знал, что история о зайце и черепахе на самом деле вовсе не о животных, то избежал бы многих неприятностей.

Три года спустя Колин пошел в первый класс Кальмановской школы – бесплатно, потому что там преподавала его мама. Он был всего на год младше большинства своих одноклассников.

Еще до школы папа настаивал на том, чтобы Колин учился с усердием, но его сын был не из тех вундеркиндов, которые в одиннадцать поступают в университет. В конце концов родители Колина решили, что он будет учиться в школе с обычными ребятами, потому что это «поспособствует его социальной адаптации».

Но с адаптацией у Колина не заладилось. Он не мог найти себе друзей. У него с одноклассниками не было общих интересов.

Ему, например, интересно было притворяться на переменках роботом. Он подходил к Роберту Кейсману и, механически размахивая руками, говорил монотонным голосом:

- Я РОБОТ. Я МОГУ ОТВЕТИТЬ НА ЛЮБОЙ ВОПРОС. ХОТИТЕ ЗНАТЬ, КТО БЫЛ ЧЕТЫРНАДЦАТЫМ ПРЕЗИДЕНТОМ США?

- Хорошо, - говорил Роберт. - Вот мой вопрос: почему ты такой придурок, Клоун Одинец?

Хотя имя «Колин» совсем не похоже на «Клоун», Роберт Кейсман с первого класса обзывал его именно так, и обзывал до тех пор, пока Колин не начинал плакать, что случалось довольно часто, потому что Колин, как говорила его мама, был «чувствительным».

Он всего лишь хотел поиграть в робота. Что в этом плохого?

Во втором классе Роберт Кейсман и его дружки изобрели новую пытку. Она называлась «Нежный человек» [11]. Они просили Колина лечь на землю (и он почему-то соглашался), а потом хватили его за руки, за ноги и начинали тянуть. Похоже на четвертование, да? Но в разные стороны его тянули семилетки, и это было не смертельно, просто глупо и стыдно. Из-за этого Колина казалось, что он никому не нравится, - и он не ошибался.

Единственным его утешением была мысль о том, что когда-нибудь он станет значимым. Станет знаменитым. А они - нет. Его мама говорила, что именно по этой причине одноклассники издеваются над ним.

- Они просто завидуют, - сказала она.

Но Колин понимал, что они не завидовали. Он просто не мог ничем понравиться. Иногда и правда все бывает просто.

Вот почему и Колин, и его родители очень обрадовались, когда в первые дни учебы в третьем классе «нежный человек» доказал свою «социальную адаптированность», завоевав (пусть совсем ненадолго) сердце самой красивой девочки в Чикаго восьми лет от роду.

[четыре]

В три часа ночи Колин остановился на площадке около города Падука, штат Кентукки. Откинул спинку сиденья (оно уперлось в ноги Гассана, сидевшего сзади) и крепко уснул.

Примерно через четыре часа его разбудил Гассан, барабанивший по спинке кресла:

- Кафир, меня тут парализовало. Отодвинь эту хрень, мне помолиться надо.

Колину снилась Катерина. Он нашарил рукой рычажок под сиденьем, дернул его, и кресло отошло вперед.

- Черт! - сказал Гассан. - У меня что, вчера во рту кто-то сдох?

- Эй, я спал!

- Разрытая могила, а не рот. Ты пасту захватил?

вернуться

10

Колин, как умная обезьянка, знал очень много слов, но ничего не смыслил в грамматике. А еще он не выговаривал букву «р». Простим его. Ему было два года.

вернуться

11

Это название, кстати, невольно придумал Колин. Раньше это называлось «растяжкой», но однажды, когда ему делали растяжку, Колин закричал: «Не мучайте нежного человека!» С тех пор так и пошло.

- Кстати, я знаю, как это называется. Fetor hepaticus. Бывает, когда [12]...

- Неинтересно, - сказал Гассан. Он всегда так говорил, когда Колин уходил от темы разговора. - Паста?

- Туалетные принадлежности в мешке в багажнике, - ответил Колин.

Гассан выбрался из машины, захлопнул дверцу и стал рыться в багажнике. Протерев глаза, Колин решил, что пора просыпаться.

Почистив зубы, Гассан встал на колени, повернувшись лицом в ту сторону, где, по его представлениям, находилась Мекка, а Колин тем временем отлучился в туалет. Граффити в туалетной кабинке гласило: «Дана сосет», и Колин подумал, не значит ли это, что стремная Дана просто любит леденцы. Там же, в туалете, он предался своему самому любимому занятию: стал подыскивать анаграмму к «Дана сосет». Получилось «Осада стен».

Когда Колин вышел, Гассан уже оккупировал столик закусочной. Сидел и перочинным ножиком, прикрепленным к кольцу с ключами, вырезал что-то.

- Эй, ты что делаешь? - спросил Колин.

- Ну, пока ты ходил в туалет, я сел сюда и заметил, что кто-то вырезал «Бох ненавидит ракеты». Вот лох неграмотный! Короче, я решил переделать эту надпись в «Бог ненавидит багеты». С этим трудно не согласиться. Все ненавидят багеты.

- J'aime les baguettes, - пробормотал Колин.

- Ну, ты любишь кучу всякой ерунды.

Пока Гассан пытался заставить Бога, а заодно и своего друга, ненавидеть багеты, в голове Колина пронеслась череда мыслей: 1) багеты; 2) Катерина XIX; 3) ожерелье с рубином, которое он подарил ей пять месяцев и семнадцать дней назад; 4) большинство рубинов добыты в Индии,

которая 5) раньше была колонией Великобритании, где 6) премьер-министром был Уинстон Черчилль; 7) интересно, почему хорошие политики, такие как Ганди или тот же Черчилль, часто бывают лысыми или почти что лысыми; 8) почему диктаторы, такие как Гитлер, Сталин и Саддам Хусейн, предпочитают носить усы? Но 9) у Муссолини усов вроде бы не было, а 10) многие ученые усаты, в том числе итальянец Руггеро Одди, который 11) открыл (и назвал в честь себя) сфинктер Одди в пищеварительном тракте; 12) сфинктер Одди – один из малоизвестных сфинктеров в человеческом организме, среди которых есть и пупиллярный сфинктер.

Когда Гассан Харбиш появился в Кальмановской школе – десять лет до этого он учился дома, – он был довольно умен, хотя, конечно, не дотягивал до вундеркинда. На уроке алгебры он сидел с Колином. Но они не общались, потому что Колин не проявлял ни малейшего интереса к тем, кого не звали Катерина. Он не выносил учеников Кальмановской школы, что было вполне разумно, потому что большинство из них его тоже не выносили.

Через две недели после начала занятий Колин поднял руку, и миссис Соренштейн сказала:

– Да, Колин?

Колин прижал руку к левому глазу под очками. Ему явно что-то сильно мешало.

– Можно выйти на минутку? – спросил он.

– У тебя есть уважительная причина?

– Кажется, у меня ресница застряла в пупиллярном сфинктере, – ответил Колин, и весь класс заржал. Миссис Соренштейн отпустила его, и Колин пошел в туалет. Глядя в зеркало, он убрал ресницу из глаза, где и в самом деле находится пупиллярный сфинктер.

После уроков Гассан подошел к Колину. Тот меланхолично жевал сэндвич с арахисовым маслом на широкой каменной лестнице у задней двери школы.

– Слушай, – сказал Гассан. – Я в школе новичок, но уже понял, что говорить можно, а что нельзя. Про сфинктер – нельзя.

– Это такая мышца в глазу, – покраснел Колин. – Я просто умничал.

– Послушай, чувак. Нужно знать свою аудиторию. На съезде офтальмологов ты бы сорвал овалцию, но на уроке алгебры никто в толк не возьмет, откуда у тебя там вообще ресница взялась.

И они стали друзьями.

– Честно сказать, Кентукки мне как-то не очень, – выдернул его из воспоминаний голос Гассана.

Колин окинул взглядом парковку. Нет. Нет ни следа пропавшего кусочка.

– Мне здесь все напоминает о ней. Мы с ней собирались в Париж. Мне самому в Париж ни капельки не хочется, но я все время думаю, как бы она обрадовалась, побывав в Лувре. Мы бы ходили в лучшие рестораны, пили бы красное вино. Мы даже уже искали в Интернете подходящий отель. Нам как раз хватило бы денег, которые я выиграл в «Умных детях» [13].

- Слушай, друг, если Кентукки напоминает тебе Париж, дело совсем плохо.

Колин оглядел плохо постриженный газон. Потом бросил взгляд на надпись, которую старательно вырезал Гассан.

- Багеты, - сказал он. - В Париже едят багеты.

- Фу ты, - выдохнул Гассан. - Слушай, дай мне ключи.

Колин сунул руку в карман и швырнул ключи на стол. Гассан схватил их, встал и направился к Сатанинскому катафалку. Колин обреченно поплелся за ним.

Они проехали еще сорок миль, но все еще были в Кентукки. Колин, свернувшись в клубок на переднем сиденье, уже засыпал, когда Гассан воскликнул:

- За следующим поворотом - самое большое в мире деревянное распятие!

- Мы не будем останавливаться у Самого Большого В Мире Деревянного Распятия.

- Почему? - возмутился Гассан. - Оно ж, наверное, здоровенное!

- Гасс, зачем нам это Самое Большое В Мире Распятие?

- Мы же путешествуем! Ищем приключения! - Гассан импульсивно постучал по рулю, чтобы подчеркнуть, как сильно ему хочется влипнуть в какое-нибудь приключение. - Ехать нам все равно некуда. Ты правда хочешь умереть, так и не увидев Самое Большое в Мире Распятие?

Колин задумался.

- Да. Во-первых, мы оба не христиане. Во-вторых, если мы все лето будем глазеть на памятники, то моего горя не облегчим. И в-третьих, распятия напоминают мне о ней.

- О ком?

- О НЕЙ.

- Кафир, она атеистка!

- Она не всегда была атеисткой, - тихо заметил Колин. - Раньше она носила крестик. До того, как мы стали встречаться.

Он смотрел в окно на проносящиеся мимо сосны. Его безупречная память тут же напомнила ему тот серебряный крестик.

- Твое зитцинклерство отвратительно, - сказал Гассан, но все же поддал газу и проехал поворот.

[пять]

Два часа спустя после того, как они проехали Самое Большое В Мире Деревянное Распятие, Гассан снова заговорил об этой штуковине.

- Ты что, не знал, что это распятие находится в Кентукки? - прокричал он, правой рукой держа руль, а левой рассекая воздух за открытым окном.

- Нет, от тебя впервые услышал, - ответил Колин. - Зато я знаю, что самая большая в мире деревянная церковь находится в Финляндии.

- Неинтересно, - сказал Гассан.

Критичные оценки Гассана помогали Колину понять, что интересно другим людям, а что - нет. До того как он познакомился с Гассаном, подсказать ему никто не мог, потому что окружающие, за исключением родителей, либо терпели, либо игнорировали его. А в случае Катерин - сначала терпели, а потом игнорировали. Благодаря списку того, что было неинтересно [14], Колин почти мог поддерживать нормальный разговор.

Двести миль и одну остановку спустя они наконец покинули Кентукки и оказались на полпути из Мемфиса в Нэшвилл. Ветер, дувший в открытые окна, высушивал пот, но нисколько не охлаждал воздух, и Колин теперь мог думать только о кондиционере.

И тут он заметил нарисованный вручную плакат, возвышавшийся над полем хлопка, кукурузы, сои или еще чего-то там [15].

ЗА ПОВОРОТОМ - МОГИЛА ЭРЦГЕРЦОГА ФРАНЦА ФЕРДИНАНДА, ИЗ-ЗА УБИЙСТВА КОТОРОГО БЫЛА РАЗВЯЗАНА ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

- Этого не может быть, - тихо пробормотал Колин.

- Слушай, по-моему, нам нужно где-то остановиться, - сказал Гассан, не слушая его. - Это шоссе, конечно, классное, но чем мы южнее, тем жарче становится, а я уже и так мокрый, как блудница в церкви.

вернуться

12

Эта штука, *fetor hepaticus*, - симптом того, что печень вот-вот откажет. Из рта реально начинает вонять трупным запахом.

вернуться

13

Подробности позже, но если вкратце - годом раньше Колин заработал немалую сумму денег.

вернуться

14

Среди многого прочего ни малейшего интереса не вызывали: пупиллярный сфинктер, митоз, архитектура барокко, анекдоты про физические формулы, британская монархия, грамматика русского языка и роль соли в истории человечества.

вернуться

15

Опознавание знаков не входило в число талантов Колина.

Колин потер затекшую шею и поклялся, что больше ни одной ночи не проведет в машине, – денег у них было достаточно, чтобы заплатить за отель.

- Видел знак? – спросил он.
- Какой еще знак?
- Указатель к могиле эрцгерцога Франца Фердинанда.

Гассан повернулся к Колину, широко улыбнулся и легонько стукнул его по плечу:

- Отлично, парень! Кстати, обедать пора.

На стоянке у ресторана «Хардис» в Карвер-каунти, штат Теннесси, Колин вылез из машины и позвонил маме:

- Привет, мам, мы в Теннесси!
- Как ты себя чувствуешь, сынок?
- Ну, получше, наверное. Не знаю. Тут жарко. Мне, э-э-э... никто не звонил?

Мама молчала, и он почувствовал, как она жалеет его.

- Нет, прости, дорогой. Я скажу, чтобы тебе звонили на мобильный.
- Спасибо, мам. Пойду пообедаю в «Хардис».
- Приятного аппетита! Не забудь пристегиваться ремнем. Я тебя люблю!
- И я тебя!

Проглотив чудовищно жирный бургер в пустом ресторане (не бургер, а настоящий монстрбургер), Колин спросил кассиршу, которая, по всему видно, злоупотребляла обедами на работе, как им добраться до могилы Франца Фердинанда.

- Кого-кого? – спросила она.
- Эрцгерцога Франца Фердинанда.

Кассирша несколько секунд тупо смотрела на него, но потом в ее глазах мелькнул проблеск понимания.

- А, так вы Гатшот ищете, да? Ну, деревню эту?
- Гатшот?
- Как выедете со стоянки – сворачивайте направо. Через три километра будет развилка, там заправка, но она не работает. Дальше опять направо, потом миль десять – пятнадцать пусто, ничего не будет, а как подниметесь на холм, увидите Гатшот.

- Гатшот? - переспросил Колин.
- Гатшот, штат Теннесси. Там эрцгерцог и похоронен.
- Значит, два раза повернуть направо?
- Ну, вроде да! Желая удачно провести время!
- Гатшот, - повторил про себя Колин. - О'кей, спасибо.

Дорога, по которой они ехали, казалось, недавно была эпицентром землетрясения. Колин ехал очень осторожно, но Сатанинский катафалк все равно скрипел и кряхтел на бесконечных колдобинах и ямах.

- Может, нам не обязательно глазеть на этого твоего эрцгерцога? - спросил Гассан.
- Мы же путешествуем! Ищем приключений! - передразнил его Колин.
- Слушай, а в Гатшоте хоть раз видели живого араба?
- Ой, не будь параноиком, а?

Колин ненадолго задумался.

- Вообще-то та женщина в «Хардис» была довольно приветлива.
- Да, но она назвала Гатшот деревней, - сказал Гассан, подражая выговору женщины. - Если «Хардис» - городская забегаловка, то в деревню мне как-то не очень хочется.

Гассан продолжал тарыхтеть, Колин улыбался и смеялся в нужных местах, но на самом деле думал о том, с чего бы это внезапно вспомнившийся ему вчера эрцгерцог, погибший в Сараеве в начале прошлого века, взял да встретился им на пути. Это было иррационально, а Колин терпеть не мог иррациональности. Потом он стал размышлять, не сможет ли, посетив могилу эрцгерцога, узнать что-нибудь о своем пропавшем кусочке. Но Колин конечно же отдавал себе отчет в том, что оказался здесь не по воле судьбы.

Он вспомнил изречение Демокрита, еще одного ученого грека: «Человек всегда и во всем *винит природу* и судьбу, хотя судьба не что иное, как эхо его характера, страстей, ошибок и слабостей».

В Гатшот, штат Теннесси (НАСЕЛЕНИЕ 864 ЧЕЛОВЕКА, как гласил дорожный знак), его, Колина Одинца, привела вовсе не судьба, а его характер и пристрастия, слабости и ошибки.

Дорога здесь была чуть-чуть получше. По обе стороны в серую даль тянулись бесконечные поля низкорослых растений, и лишь изредка среди них возникали рощица, пастбище или огороженный выгон для скота.

Наконец Колин заметил у дороги двухэтажное здание из шлакобетона, выкрашенное в кокетливый розовый цвет.

- Кажется, это Гатшот, - сказал он, кивнув в сторону здания.

Здание оказалось магазином. На нем висел нарисованный вручную плакат:

КОРОЛЕВСТВО ГАТШОТ - МЕСТО ВЕЧНОГО УПОКОЕНИЯ
ЭРЦ ГЕРЦОГА ФРАНЦА ФЕРДИНАНДА
ХОЛОДНОЕ ПИВО
СОДА
НАЖИВКА ДЛЯ РЫБЫ

Колин остановил машину около магазина, расстегнул ремень безопасности и сказал Гассану:

- Ага, сода и наживка для рыбы - это как раз для эрцгер цога.

Гассан расхохотался:

- Ушам не верю, Колин шутку отмочил! Похоже, это место действует на тебя волшебным образом. Жалко, что здесь нам предстоит умереть страшной смертью. Нет, серьезно. Араб и полуеврей входят в магазин в Теннесси. Готовая фраза для анекдота про геев!

Тем не менее он вошел в магазин вслед за другом.

Стоявшая за прилавком девчонка - длинный прямой нос и карие глаза размером с малую планету - оторвалась от журнала «Жизнь знаменитостей» и вежливо произнесла:

- Как дела?

- Ничего так? А у тебя? - спросил Гассан.

Колин в это время задумался над тем, найдется ли среди читателей журнала «Жизнь знаменитостей» хоть один достойный человек [16].

- Неплохо, - ответила девчонка.

Они обошли магазин, шаркая по пыльному полированному паркету и притворно интересуясь продуктами, напитками и живыми миногами в аквариумах, которые, очевидно, и были наживкой.

Присев за стойкой с чипсами, Колин подергал Гассана за футболку и, сложив руки рупором, прошептал:

- Поговори с ней.

Точнее, не прошептал, потому что так и не освоил до конца искусство шепота, а просто сказал это чуть тише обычного.

Гассан поморщился и в ответ прошептал по-настоящему:

- Площадь Канзаса в квадратных милях?

- Восемьдесят две тысячи двести, а что?

- Просто забавно, что это ты знаешь, но не умеешь разговаривать шепотом. Связки, что ли, бережешь?

Колин начал объяснять, что при шепоте голосовые связки тоже используются, но Гассан

закатил глаза, а потом стал рассматривать картофельные чипсы, поэтому Колину пришлось взять все на себя.

Он подошел к стойке и робко произнес:

- Привет! Мы бы хотели увидеть эрцгерцога.

Девочка, читавшая «Жизнь знаменитостей», улыбнулась. Ее чересчур длинный нос теперь уже не так бросался в глаза. У нее была широкая улыбка, в искренность которой хотелось верить, и Колину захотелось рассмешить ее, чтобы она улыбалась подольше. Но желание быстро прошло.

- Экскурсии начинаются в начале каждого часа, цена одиннадцать долларов, но, если честно, этих денег экскурсия не стоит, - монотонно произнесла она.

- Мы заплатим, - сказал Гассан, внезапно оказавшийся за спиной Колина. - Просто этот парень очень хочет увидеть эрцгерцога. - Он наклонился вперед и театрально прошептал: - Понимаешь, у него нервный срыв.

Едва он выложил на прилавок двадцать два доллара, как девочка сунула их в карман шорт.

- Жарко на улице, - заметила она.

- Мы что, уже на экскурсии? - спросил Колин.

- Ага. И к моему глубочайшему сожалению, я и есть ваш экскурсовод.

Она вышла из-за прилавка.

Невысокая. Худая. Внешность не то чтобы привлекательная, но глаз все же цепляла.

- Давайте познакомимся. Колин Одинец.

- Линдси Ли Уэллс, - ответила девчонка, протягивая ему миниатюрную ладошку; ногти были выкрашены в розовый цвет с металлическим отливом.

Колин чуть сжал ее пальцы, как требовал этикет, и Линдси повернулась к Гассану.

- Гассан Харбиш. Мусульманин-суннит. Не террорист.

- Линдси Ли Уэллс. Христианка-методистка. И тоже не террористка.

Девчонка снова улыбнулась.

Колин думал о К. XIX и своем пропавшем кусочке, но улыбку этой девчонки невозможно было не заметить. Такая улыбка могла примирить войска и исцелить рак.

Они долго молча шагали по траве высотой по колено, которая росла за магазином. Трава щекотала чувствительную кожу Колина, и ему хотелось спросить, нет ли здесь тропинки, по которой можно пройти, но он знал, что Гассан сразу начнет говорить о «зитцпинклерстве», и поэтому молчал, хотя ему было не очень-то приятно. Он подумал о Чикаго, где можно прожить много дней, ни разу не ступив на незаасфальтированную землю. Но, признаться, он очень скучал по тротуарам.

вернуться

16

С точки зрения Колина, мир можно было представить в виде следующей диаграммы.

Линдси Ли Уэллс бодро шагала впереди (типичная читательница «Жизни знаменитостей», даже не разговаривала с ними), а Гассан плелся рядом с Колином и, как ни странно, тоже молчал.

Чтобы пресечь возможные разглагольствования друга о «хлюпиках», Колин решил перейти в наступление.

- Я уже говорил сегодня, что тебе нужно учиться в колледже? - сказал он с вопросительной интонацией.

Гассан закатил глаза:

- Ну да, да, знаю. Слушай, хватит об этом! Ты учился на «отлично», и погляди, что с тобой стало.

Ничего остроумного в голову не пришло.

- Тебе надо начать учебу в этом году. Не можешь же ты вечно откладывать. Не обязательно записываться прямо сейчас, крайний срок - пятнадцатого июля. (Колин справился об этом в Интернете.)

- Да, откладывать вечно я и правда не могу. Не хочу повторяться, но ты, наверное, не понял: я люблю тупо смотреть телик и толстеть. Это и есть дело моей жизни, Одинец. И знаешь, почему я люблю путешествия, чувак? Это тоже безделие, но под видом активности. И вообще, мой папа университетов не кончал, а у него денег куры не клюют.

«А зачем курам клевать деньги?» - машинально подумал Колин, но вслух сказал:

- Твой папа не сидит сложа руки. Он работает по сто часов в неделю.

- Ну да. Спасибо папе - благодаря ему мне не нужно ни работать, ни учиться.

Колин пожал плечами. Он не понимал друга. Зачем вообще жить, если хотя бы не попытаться сделать что-нибудь выдающееся? Как странно - верить в то, что Бог, он же Аллах, даровал тебе

жизнь, и всю эту жизнь посвятить тому, чтобы пялиться в телевизор.

Потом Колин подумал о том, что он, рискнувший отправиться в путешествие, чтобы избавиться от мыслей о девятнадцатой Катерине, бросившей его, и сейчас шагающий по южному Теннесси, направляясь к могиле эрцгерцога, которого застрелили в Сараеве, вряд ли имеет право считать что-либо странным.

Он стал искать анаграмму для слов «что-либо странное» – от боли ноет... – и вдруг на самом деле взвыл от боли, споткнувшись о кротовую нору. Он даже не успел вытянуть руки, чтобы смягчить падение, – просто повалился вперед, будто ему выстрелили в спину.

Первыми о землю ударились его очки. Затем – лоб, и конечно, его тут же вспорол маленький острый камешек.

– Ой! – вскрикнул Колин.

– Черт! – бросился к нему Гассан.

Когда Колин открыл глаза, он увидел мутные силуэты Гассана и Линдси. От девочки сильно пахло фруктовыми духами. Колин вспомнил, как они называются, – «Curve». Однажды он подарил их Катерине XVII, но ей они не понравились [17].

– Кровь течет, да? – спросил Колин.

– Хлещет, как из поросенка, – сказала Линдси. – Не шевелись.

Она повернулась к Гассану и попросила:

– Дай футболку.

Но Гассан затряс головой. Наверное, из-за сисек, решил Колин.

– Надави вот сюда, – показала девочка на лоб Колина, но Гассан продолжал трясти головой.

Тогда Линдси сказала:

– Ну ладно. – И она сняла блузку.

Колин прищурился, но, кроме мутных пятен, все равно ничего не смог разглядеть.

– Думаю, с этим лучше повременить до второго свидания, – сказал он.

– Извращенец! – возмущенно фыркнула она, но по голосу Колин догадался, что она улыбается.

Девочка осторожно обтерла блузкой его лоб и щеку, надавила на ранку над правой бровью, а потом прикрикнула:

– А ну, перестань вертеть головой! Нам нужно удостовериться, что у тебя нет повреждения позвоночника или субдуральной гематомы. И то и другое маловероятно, но нужно быть осторожным, потому что ближайшая больница – в часе езды отсюда.

Колин закрыл глаза и постарался не морщиться, а Линдси давила на рану все сильнее.

– Прижми блузку вот сюда. Я вернусь через восемь минут, – сказала она Гассану.

- Может, врача позовем? - предложил Гассан.
- Я фельдшер, - ответила Линдси и отвернулась.
- Вау, и сколько же тебе лет? - удивился Гассан.
- Семнадцать. Ну ладно, вру. Я только учусь на фельдшера. Восемь минут, честное слово.

Она убежала. Если быть точным, Колину нравился не запах ее духов. Ему нравился тот аромат, который витал в воздухе даже после того, как Линдси ушла. В английском нет подходящего слова, но Колин вспомнил, как это называется по-французски: *sillage* - след или шлейф, остающийся, когда запах уже исчез.

Гассан сел рядом с ним и осторожно надавил на рану:

- Прости, что не пожертвовал своим белишком.
- Из-за сисек? - спросил Колин.
- Ну, знаешь, я предпочитаю сначала узнать девушку поближе, а потом уже сиськи показывать. А где твои очки?
- Когда Линдси сняла блузку, я и сам подумал об этом, - сказал Колин.
- Значит, ты ее не разглядел?
- Не разглядел. Увидел только, что у нее фиолетовый лифчик.
- Фиолетовый, угу, - кивнул Гассан, и Колин тут же вспомнил, как К. XIX склонилась над ним на кровати в фиолетовом лифчике в тот момент, когда сообщила о своем решении бросить его. Он подумал о Катерине XIV, которая носила черный лифчик и черное все остальное. О Катерине XII, первой из Катерин, носившей лифчик, и вообще обо всех Катеринах, чьи лифчики он видел (если не считать бретелек, о четырех, если считать - о семи).

Многие считали его мазохистом, которому нравится, когда его бросают. Но на самом деле это было не так. Он просто не мог предвидеть, куда заведут отношения, и теперь, лежа в траве с разбитой головой и не имея возможности как следует разглядеть, что его окружает, наконец осознал свою проблему: близорукость. Будущее было для него туманным, оставаясь при этом неизбежным.

- Нашел, - сказал Гассан и неуклюже попытался надеть очки на Колина.

Но надеть очки на чужую голову очень сложно, и Колин в итоге сам водрузил их на переносицу, радуясь обретенному зрению.

- Эврика! - тихо сказал он.

Катерина XIX: Конец конца

Она бросила его восьмого числа двенадцатого месяца, когда до годовщины их отношений оставалось всего-то двадцать два дня. В тот день они окончили школу - школы, правда, были разными, - и их родители, которые были старыми друзьями, заказали для них столик в ресторане. Больше всего Колину нравилось, что они должны были остаться наедине.

Предвкушая это, он побрился и побрызгался дезодорантом «Ливень», который нравился Катерине, и она всегда прижималась к его груди, чтобы насладиться ароматом.

Ближе к вечеру Колин заехал за Катериной на Сатанинском катафалке, и они поехали на юг на Лейкшор-драйв; окна в машине были открыты, и было слышно, как волны озера Мичиган бьются о каменистый берег.

Колину всегда нравилась панорама Чикаго. Хотя он был атеистом, при виде четких силуэтов небоскребов, первых в Америке, он испытывал то, что по латыни называется *mysterium tremendum et fascinans* – мистерией благоговейного страха и восхищения, от которой что-то переворачивалось в животе.

В деловом центре города им пришлось потратить десять минут на поиски паркомата, и в конце концов Колин, к неудовольствию Катерины, заплатил восемнадцать долларов за место в подземном гараже.

- Могли бы и на улице припарковаться, – сказала она, вызывая лифт.

- Ну, деньги у меня есть. Мы и так задержались.

- Зачем тратить деньги зря?

- Раз так, хочу сразу предупредить: я собираюсь потратить пятьдесят долларов на суши, – ответил он. – То есть потратиться на тебя.

Дверцы лифта открылись. Колин вошел вслед за Катериной, прислонился к деревянной стенке и раздраженно вздохнул. Они почти не разговаривали до тех пор, пока не вошли в ресторан. Заказанный родителями столик был около туалета.

- За окончание школы и прекрасный ужин, – сказала Катерина, поднимая стакан кока-колы.

- За конец привычной жизни, – ответил Колин, и они чокнулись.

- Боже, Колин, это же не конец света!

- Именно. Это конец света, – мрачно заявил он.

- Похоже, ты боишься, что не станешь самым умным студентом Северо-Западного университета? – Катерина вздохнула, и он внезапно ощутил острую боль в животе.

вернуться

17

«Пахнет так, будто я потерла шею малиновой жвачкой», – сказала она. Но это была неправда. Просто у духов был запах малиновой жвачки, и очень приятный, кстати.

Теперь-то он по нимал – это был первый знак того, что скоро кусочек его пропадет.

- Почему ты вздыхаешь? – спросил он.

Подшла официантка с прямоугольным подносом; на подносе были маки по-калифорнийски и

негири с копченым лососем. Катерина взяла палочки, Колин – вилку. Он мог поддержать беседу на японском, но так и не выучился есть палочками.

- Почему ты вздыхаешь? – снова спросил он.

- Да просто так, отстань.

- Нет, скажи.

- Ну... ты все время боишься, что тебя бросят или обойдут, и ты ни капли благодарности не испытываешь за то, что имеешь в жизни. Ты с отличием окончил школу и будешь бесплатно учиться в прекрасном университете. Ладно, может, ты больше не вундеркинд. Ну и хорошо. По крайней мере, ты уже не ребенок. Ну, теоретически.

Колин жевал. Ему нравилась водоросль, которой были обмотаны роллы: в меру жесткая, с терпким привкусом соленой океанской воды.

- Ты не понимаешь, – сказал он.

Катерина положила палочки на край блюда с соевым соусом и с безграничной досадой посмотрела на него:

- Почему ты все время так говоришь?

- Потому что это правда, – ответил он.

Катерина ловко орудовала палочками, но она не понимала его.

Колин не был вундеркиндом – он оставался им.

Он хотел спросить Катерину, любит ли она его по-прежнему, но поборол в себе это желание, потому что больше слов «Ты не понимаешь» ее раздражали только слова «Ты меня любишь?».

Через семь секунд он все-таки решился:

- Ты все еще любишь меня?

- Да ладно тебе, Колин! Школа позади, мы счастливы. Радуйся!

- Ты боишься мне признаться?

- Я люблю тебя. – Она ни разу не говорила ему эти слова в таком порядке. – А из слова «суши» можно сделать анаграмму? – спросила она.

- Ус... ус... – замялся он.

Катерина улыбнулась:

- Ты не устаешь от моих дурацких вопросов?

- Нет. Я от тебя никогда не устаю, – сказал он. Ему захотелось добавить, что иногда ему кажется, будто она его не понимает, что он переживает, когда они ссорятся, и что она давно не говорила, что любит его. Но он промолчал.

- Придумал бы к «усу» еще что-нибудь, и мы могли бы поиграть в «Представь ситуацию».

Игру изобрела Катерина. Колин подбирал анаграмму, а Катерина – придумывала ситуацию, в которой эти слова могли бы встретиться.

- Ладно, – сказала она. – Обойдемся усом. Значит, один парень поехал рыбачить и поймал сома. Сом, конечно, отравлен пестицидами и всякой дрянью, но парень все равно везет его домой, потому что решил, что, если хорошенько его зажарить, ничего не будет. Он его моет, чистит и оставляет на кухонном столе, потому что ему позвонили. Поговорив, он кладет трубку, возвращается на кухню и видит, что его маленькая сестренка держит в руке большой кусок сырого сома и жует. А потом показывает на голову этой рыбины и говорит: «Вот это ус!»

Они засмеялись, и у Колина улучшилось настроение.

Позже они на цыпочках прошли в его дом. Колин поднялся наверх, чтобы сказать маме, что он вернулся, умолчав, правда, о Катерине, хотя это, возможно, было важно. Они забрались в постель, стянули рубашки и стали целоваться. Потом Катерина спросила:

- Ты правда расстроился из-за того, что окончил школу?

- Не знаю. Я не уверен, что моя жизнь стала бы лучше, если бы я все сделал по-другому – например, поступил бы в университет в десять, как, кажется, хотел папа. Мы тогда наверняка не были бы вместе. И я бы не познакомился с Гассаном. Многие вундеркинды пашут, пашут, пашут – и загоняют себя в тупик еще похлеще, чем я. Но некоторые становятся Джоном Локком [18] или Моцартом... А у меня больше нет шансов стать Моцартом.

- Кол, тебе всего семнадцать... – Катерина снова вздохнула.

Она часто вздыхала, но ничего плохого не могло случиться, потому что было так приятно, когда она клала голову ему на плечо, а он убирал шелковистые светлые пряди с ее лица. Опустив взгляд, он увидел фиолетовую бретельку ее лифчика.

- Это как в той истории про зайца и черепаху, К [19]. Я усваиваю все быстрее, чем другие, но они тоже учатся. Стоит чуть замешкаться, и они догоняют. Я знаю, что мне семнадцать. Но мое время уже прошло.

Катерина засмеялась.

- Нет, правда, – сказал он. – Есть же исследования. Вундеркинды достигают пика в двенадцать-тринадцать лет. А что сделал я? Год назад выиграл телевикторину? Это и есть след, который я оставил в истории человечества?

Она села и пристально посмотрела на него. Потом прикусила нижнюю губу и произнесла:

- Колин, может, проблема в нас?

- О, черт, – огрызнулся он.

Так все и началось.

А когда все закончилось, Катерина продолжала шептать, а Колин молчал – потому что шептать не умел и ему не хотелось разбудить родителей. Была еще одна причина – у него сперло дыхание. Ему казалось, что их расставание – единственное, что происходило сейчас на всей

этой темной, безмолвной планете. И одновременно – будто его не происходило вовсе. Он задумался над тем, что все важное, непостижимое и трагическое – парадоксально. Это неправда, когда человек говорит «мне не больно», испытывая удары судьбы. Больно, и еще как! В животе его словно ледяной ком смерзся.

- Я очень сильно тебя люблю и хочу, чтобы ты любила меня так же, – сказал он тихо.

- Тебе не нужна девушка, Колин. Тебе нужен робот, который умеет говорить только «Я тебя люблю».

Ему стало еще больнее, а потом под ребрами кольнуло, и он физически ощутил, как пропал кусочек его самого.

Катерина постаралась уйти как можно быстрее, чтобы не причинять ему боли, но когда она сказала, что ей пора, он расплакался. И тогда она прижала его голову к своей груди.

Колин чувствовал себя смешным и жалким, но все же хотел, чтобы так продолжалось как можно дольше; он не сомневался в том, что ее отсутствие причинит ему еще более острую боль, чем само расставание.

Но она все же ушла, и, оставшись один, он принялся искать анаграммы для слов «мой пропавший кусочек», тщетно пытаясь уснуть.

[шесть]

Так бывало всегда: он искал и искал ключи от Сатанинского катафалка, а потом говорил:

- Ладно, поеду на автобусе, – и по пути к выходу обнаруживал ключи.

Ключи появляются в тот самый момент, когда решаешь ехать на автобусе; Катерины появляются тогда, когда ты уже не веришь в то, что в мире найдется еще одна Катерина; и, конечно, озарение приходит в тот момент, когда ты уже смирился с тем, что оно никогда не придет.

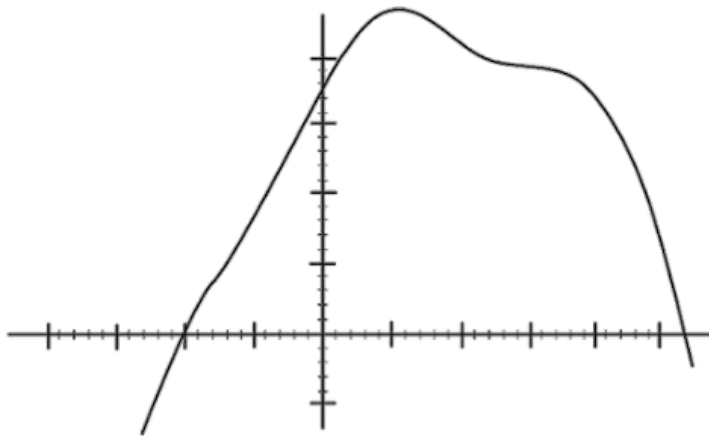
Колин изо всех старался запомнить пришедшую в голову мысль. Он по-прежнему лежал на спине, и то, что он сейчас ощущал, казалось ему приятней тысячи оргазмов. Эврика...

- Что, озарение пришло? – взволнованно спросил Гассан.

- Мне нужно это записать, – сказал Колин и сел.

Голова раскалывалась, но он все же сунул руку в карман и вытащил маленький блокнот, который всегда носил с собой. Карандаш, лежавший в блокноте, сломался пополам, но писал все равно прилично.

Он все еще чертил, когда услышал шаги, и, подняв глаза, увидел Линдси Ли Уэллс. На ней была футболка с надписью «Гатшот!». В руках у нее была аптечка с красным крестом.

x = время, y = счастье
 $y = 0$ = начало романа
 и расставание
 y отрицательное = расставание
 по инициативе m ,
 y положительное = расставание
 по инициативе d : мой роман
 с К. XIX

Линдси склонилась над ним, предупредила: «Будет щипаться» - и вонзила в рану длинную ватную палочку, которую предварительно обмакнула, как показалось Колину, в соус чили.

- Ай! - крикнул он и заметил, что на ресницы больших карих глаз Линдси падают капли пота.

- Знаю, прости. Все, готово. Зашивать не надо, но маленький шрам останется. Ничего?

- Что мне еще один шрам? - рассеянно сказал Колин. - У меня такое чувство, будто меня ударили прямо в мозг.

- Сотрясение мозга не исключается, - заметила Линдси, бинтуя его. - Какой сегодня день недели? Где ты находишься?

вернуться

18

Британский философ и политолог, который выучился читать и писать на латыни и греческом в том возрасте, когда остальные еще шнурки завязывать не умеют.

вернуться

19

Вы наверняка заметили, что Колин уже догадался, что в истории о зайце и черепахе есть какой-то скрытый смысл, хотя какой именно - понял еще не совсем.

- Сегодня вторник, а я в Теннесси.

- Кто был младшим сенатором от штата Нью-Гэмпшир в 1873 году? - спросил Гассан.

- Бэйнбридж Уодли, - ответил Колин. - По-моему, у меня нет сотрясения мозга.

- Серьезно? - спросила Линдси. - Ты знаешь, кто был младшим сенатором?

Колин кивнул.

- Ага, - сказал он. - Я всех сенаторов помню. А этого запомнить совсем легко, потому что только родители, которые люто ненавидят своего сына, могут назвать его Бэйнбриджем Уодли.

- Да ну, - засмеялся Гассан. - Быть Уодли - это уже и так стремно! А он еще и Бейнбридж - неудивительно, что бедняга так и не стал президентом.

- Зато президентом стал мужик по имени Миллард Филлмор. Ни одна любящая мать не назовет своего сына Миллардом, - добавила Линдси.

Она так легко нашла с ними общий язык, что Колин уже готов был пересмотреть свою теорию относительно тех, кто читает журнал «Жизнь знаменитостей».

Гассан сел рядом с Колином и выхватил у него из рук блокнот. Бросив в него мимолетный взгляд, он сказал:

- Ну вот, я-то обрадовался, а все твое великое открытие заключается в том, что тебе нравится, когда тебя бросают? Черт, Колин, да я бы и сам мог тебе об этом сообщить.

- Любовь можно изобразить в графике! - попытался оправдаться Колин.

- Погоди. - Гассан посмотрел на блокнот, а потом снова на Колина. - И ты говоришь, это сработает для кого угодно?

- Ну да. Любовь - это же предсказуемая штука, верно? Вот я и ищу способ ее предсказывать. Формулу, с помощью которой можно было бы для любой пары, пусть даже и для незнакомых друг с другом людей, определить, сколько они будут вместе, если вдруг начнут встречаться, и кто кого бросит, когда они расстанутся.

- Это невозможно, - сказал Гассан.

- Возможно. Зная закономерности поведения людей, можно предугадать будущее.

- Ага, ясно, - кивнул Гассан. - Что ж, это интересно. - Большого комплимента Колину он и сделать не мог.

Линдси Ли Уэллс выхватила блокнот из рук Гассана. Прочитав написанное, она спросила:

- Что такое К. XIX?

- Не что, а кто, - ответил Колин. - Катерина XIX. Я встречался с девятнадцатью девочками по имени Катерина.

Они долго-долго смотрели друг другу в глаза; потом улыбка Линдси сменилась тихим смехом.

- Ты что? - спросил Колин.

Она мотнула головой, продолжая смеяться:

- Ничего. Пойдем смотреть на эрцгерцога.

- Нет, скажи, - настаивал Колин. Ему не нравилось, когда от него что-то скрывали.

- Ничего. Просто... я встречалась только с одним мальчиком.

- А что в этом смешного? - спросил Колин.

- Смешно то, - объяснила она, - что его тоже зовут Колин.

Середина начала

К третьему классу неспособность Колина к «социальной адаптации» стала так очевидна, что в Кальмановской школе он бывал не больше трех часов в день. Остаток дня он проводил с Китом Картером, который обучал его с детства. Кит водил «вольво» с номерным знаком БЕЗУМН. И хотя Кит был уже взрослым, он до сих пор собирал волосы в хвостик. Еще он отращивал (или пытался отрастить) густые усы, и ему это почти удалось: когда он закрывал рот, они спускались до нижней губы, правда, рот он закрывал очень редко.

Кит любил поговорить, и Колин Одинец был благодарным слушателем.

Вообще-то Кит был другом отца Колина и преподавателем психологии. И если уж совсем начистоту, его интерес к Колину был не вполне бескорыстным – за годы наблюдения за мальчиком Кит написал о нем несколько научных статей. Колину нравилось, что он настолько особенный, что им интересуются ученые. Но Кит был не просто ученым – кроме него, у Колина не было друзей. Когда Кит приезжал, они с Колином шли в похожий на кладовку кабинет на третьем этаже Кальмановской школы, и Колин мог читать там все, что захочется. По пятницам они с Китом весь день обсуждали то, чему Колин научился за неделю. Учиться с Китом Колину нравилось гораздо больше, чем в обычной школе. Кит никогда не играл с ним в «Нежного человека».

У Безумного Кита была дочка, Катерина, и ей было столько же лет, сколько Колину, хотя на самом деле она была на восемь месяцев старше. Катерина ходила в другую школу, за городом, и познакомились они не сразу. Родители Колина часто приглашали Безумного Кита с женой в гости, чтобы обсудить за ужином «прогресс Колина» и тому подобное. После ужина взрослые подолгу сидели в гостиной и смеялись. Кит обычно кричал, что домой не доедет, потому что перебрал вина и теперь его нужно запить кофе.

Когда Колин учился в третьем классе, одним холодным ноябрьским вечером к ним в гости пришла Катерина. (С родителями, разумеется.) Поужинав курицей с рисом под лимонным соусом, они пошли в комнату Колина. Он лег на кровать и принялся учить латынь. Не так давно Кит сказал ему, что двадцатый президент США Джеймс Гарфилд, не отличавшийся особым умом, умел писать одновременно на латыни и на греческом: на латыни – левой рукой, а на греческом – правой. Колин собирался повторить это достижение [20]. Катерина, миниатюрная блондинка, унаследовавшая от отца хвостик и интерес к вундеркиндам, молча наблюдала за ним. Колина это не напрягало, потому что люди часто наблюдали за тем, как он учит что-то, будто хотели узнать тайну его успехов. (По правде говоря, тайна заключалась в том, что он был внимательнее других и уделял учебе больше времени.)

– Когда ты успел выучить латынь?

– Я усердно учился, – ответил он.

– Зачем и почему? – спросила она, присаживаясь на кровати у его ног.

– Она мне нравится.

– Почему? – спросила девочка.

Колин задумался. Тогда он еще не знал об игре в «почемучку» и старался отвечать на вопросы серьезно.

– Потому что она делает меня лучшим, не похожим на других. И потому что у меня есть

способности.

- Почему? - пропела Катерина.

- Твой папа говорит, что это из-за того, что я хорошо запоминаю, потому что я внимателен и мне интересно.

- Почему?

- Потому что знания - это важно. Например, я недавно узнал, что римский император Вителлий однажды съел тысячу устриц за день. Неслыханное чревоугодие [21], - употребил он наверняка неизвестное Катерине слово. - А еще важно много знать, потому что это делает тебя особенным. Еще можно читать книги, которые обычные люди не понимают, например «Метаморфозы» Овидия, которые он написал на латыни.

- Почему?

- Потому что он жил в Риме, когда там говорили и писали на латыни.

- Почему?

Этот вопрос загнал его в тупик. Почему Овидий жил в Древнем Риме в 20 году до нашей эры, а не в Чикаго в 2006 году нашей эры [22]? Остался бы Овидий Овидием, если бы жил в Америке? Нет, не остался бы, потому что тогда он был бы коренным американцем, или американским индейцем, или первопоселенцем, или аборигеном, у которых тогда вообще не было письменности. Так почему Овидий был значимым - потому что он был Овидием или потому что жил в Древнем Риме?

- Это хороший вопрос, - сказал Колин, - и я попробую найти на него ответ позже. - Так говорил Безумный Кит, если не знал ответа.

- Хочешь быть моим мальчиком? - вдруг сказала Катерина.

Колин подскочил и вытаращился на нее, а она опустила свои ярко-голубые глаза. Позже он назовет ее Катериной I, Катериной Великой, Катериной Великолепной, хотя она была заметно ниже его.

Катерина сжала губы и казалась серьезной. Колина охватило какое-то неясное чувство. Нервные окончания пустили по коже мурашки. Диафрагма затрепетала. Но это, конечно, была не любовь, хотя и не дружеское чувство. Наверное, это было то, что ребята в школе называли «нра-нра».

- Да-да, хочу, - сказал он.

Катерина повернула к нему свое круглое веснушчатое лицо, наклонилась, сложила губы трубочкой и чмокнула в щеку. Для него это был первый поцелуй. Губы у Катерины были шершавые и холодные, и он вспомнил о приближающейся зиме. Если разобраться, этот поцелуй был не таким приятным, как вопрос о том, хочет ли он быть ее мальчиком.

вернуться

20

Но у него ничего не получилось, потому что, увы, он не был амбидекстром.

вернуться

21

Редко употребляемое слово, которое означает «слишком много есть».

вернуться

22

Теперь не говорят «до Рождества Христова» или «Рождества Христова», это уже не модно. Модно говорить «до нашей эры» и «такой-то год нашей эры».

[семь]

Внезапно за склоном холма возникло кладбище. Сорок с чем-то могил окружала каменная стена высотой по колено, поросшая скользким мхом.

- Здесь покоится прах эрцгерцога Франца Фердинанда, - голосом мымры-экскурсоводши, давным-давно заучившей свою речь наизусть, произнесла Линдси Ли Уэллс.

Колин и Гассан прошли за ней к двухметровому обелиску, перед которым лежал букет поблекших роз из розового шелка. Цветы были искусственными, но все равно казались увядшими.

- Ой, да вы, наверное, и так все знаете, - сказала девочка, бросив взгляд на Колина. - Но я вам все же расскажу эту историю. Эрцгерцог родился в декабре 1863 года в Австрии. Он был племянником австро-венгерского императора Франца-Иосифа, но это не имело никакого значения. То есть не имело до тех пор, пока единственный сын императора, Рудольф, не вздумал пустить себе пулю в висок, - а именно это и случилось в 1889 году. И Франц Фердинанд внезапно стал наследником престола.

- Его называли самым одиноким человеком в Вене, - сказал Колин.

- Ага. Он никому не нравился, потому что был ботаном, - подтвердила Линдси. - Только в отличие от большинства ботанов он даже не был умным. Обычный хлюпик весом в сорок килограммов, ну, что-то вроде того. В семье его считали рохлей, а в венском обществе держали за идиота - всамделишного, у которого слюни изо рта текут. А потом он окончательно все испортил, женившись по любви. В 1900 году он сыграл свадьбу с девушкой по имени София, хотя все считали ее дурнушкой-простушкой. Но в его защиту скажу: он ее и в самом деле любил. На экскурсиях я обычно об этом не говорю, но, судя по тому, что я читала о Франце Фердинанде, у него с Софией был самый счастливый брак за всю историю монархии. Это очень милая история, если не считать того, что в четырнадцатую годовщину их свадьбы - двадцать восьмого июня - их обоих застрелили в Сараеве. Сербский террорист Гаврило Принцип. Император запретил хоронить их в Вене. Он даже не пришел на похороны. Но ему, видимо, было не совсем плевать на племянника, потому что спустя месяц он предъявил ультиматум Сербии, развязав тем самым Первую мировую войну. Экскурсия окончена, - улыбнулась она. - Буду благодарна за чаевые.

Колин и Гассан вежливо похлопали, Колин подошел к обелиску, на котором было написано: «Эрцгерцог Франц Фердинанд. Будь ему пухом, земля, пусть он и взвалил на тебя тяжелое бремя».

Да, тяжелое бремя. В миллион тонн. Колин прикоснулся к граниту, который, несмотря на палящее солнце, оставался холодным. Мог ли эрцгерцог что-то изменить? Если бы он не думал только о своей любви, если бы не был таким хлюпиком... Как же он похож на меня, подумал он.

В сущности, у эрцгерцога, были две проблемы: на него всем было плевать (по крайней мере, до тех пор, пока его убийство не развязало войну) и у него в груди или в животе в тот злополучный день образовалась дыра.

Но он, Колин, заполнит дыру в своей груди, и люди узнают о нем. Он использует свой талант для чего-то гораздо более интересного и важного, чем анаграммы и перевод с латыни.

И его снова накрыло волной озарения: да! да! да! Он использует свое прошлое - и прошлое эрцгерцога, и все бесконечное прошлое, - чтобы повлиять на будущее. Он впечатлит Катерину XIX - ей нравилось считать его гением - и сделает мир безопаснее для Брошенных во всех уголках мира. И тогда он станет значимым.

На грешную землю его вернул Гассан:

- И как же это австрийского эрцгерцога занесло в штат Теннесси?

- Мы его купили, - сказала Линдси Ли Уэллс. - Году в двадцать первом. Владельцу замка, где он был похоронен, нужны были деньги, и он выставил Франца Фердинанда на продажу.

- Ну и почему нынче мертвый эрцгерцог? - поинтересовался Гассан.

- Говорят, обошелся в тридцать пять сотен.

- Дороговато, - сказал Колин, не отнимая руки от обелиска. - Доллар с тех пор подорожал почти в десять раз, то есть по нынешнему курсу это будет тридцать пять тысяч долларов. А сколько же экскурсий по одиннадцать баксов вам удалось провести?

- Ладно, ладно, впечатлил, - вместо ответа закатила глаза Линдси. - Знаешь, у нас тут есть такие штуки, калькуляторы называются. Может, слышал? На них что угодно можно вычислить.

- А я и не пытался никого впечатлить! - начал оправдываться Колин.

Тут глаза Линдси загорелись, она сложила руки рупором у рта и крикнула:

- Эй!

По склону холма спускались трое ребят и девочка.

- Это из нашей школы, - объяснила Линдси. - И мой парень.

Она побежала к ним, а Гассан и Колин быстро перекинулись информацией.

- Я студент по обмену из Кувейта, мой папа - нефтяной барон, - сказал Гассан.

Колин мотнул головой:

- Слишком банально. Я - испанец. Беженец. Мои родители погибли от рук баскских сепаратистов.

- Слушай, если уж я не знаю, кто такие эти баскские парашютисты, то им уж точно невдомек. Ладно, я только что приехал в Америку из Гондураса. Меня зовут Мигель. Мои родители сколотили состояние на бананах, а ты мой телохранитель, потому что профсоюз сборщиков бананов назначил награду за мою голову.

- Круто, но ты же не знаешь испанского, - заметил Колин. - В Гондурасе на испанском говорят. Ладно. Меня похитили эскимосы на Юкон... нет, фигня. Мы - двоюродные братья из Франции. Окончили школу, отправились в путешествие и в первый раз приехали в США.

- Это скучно, но у нас нет времени. Так, кто из нас говорит по-английски? Я? - спросил Гассан.

- Ладно, так и быть.

Теперь Колин слышал голоса, но главное - видел, как Линдси Ли Уэллс смотрит на высокого мускулистого парня в майке Tennessee Titans [23]. У него была белозубая улыбка и короткие волосы, уложенные гелем. Успех игры, которую они задумали, зависел от этой девчонки - если она не проговорится, все будет о'кей.

- Уже близко, - сказал Гассан. - Как тебя зовут?

- Пьер.

- Ладно. А я - Сэлинджер. Нет, лучше по-французски. Салинже!

- Вы на экскурсию, да? - спросил парень Линдси вместо приветствия.

- Да. Меня зовут Салинже, - сказал Гассан. Произношение у него было не идеальное, но вполне сносное. - А это мой кузен Пьер. Мы впервые в ваша страна и хотим посмотреть эрцгерцога, который начал - как это по-английски? - Первый земляной война.

Колин взглянул на Линдси. Она жевала апельсиновую жвачку, едва сдерживая улыбку.

- Я - Колин, - представился футболист, протягивая руку.

Гассан наклонился к другу и шепнул:

- Его зовут Другой Колин, - а потом продолжил: - Мой кузен плохо говорить английский. Я его перевозчик.

Другой Колин засмеялся, засмеялись и два его приятеля. Одного из них звали Чейс, а другого Фултон.

- Чейса мы назовем Джинсы Слишком Узки, а Фултона - Коротышка, Жующий Табак, - шепнул Гассан Колину.

- Je m'appelle Pierre, - выпалил Колин. - Quand je vais dans le metro, je fais aussi de la musique de prouts [24].

- У нас тут часто бывают иностранные туристы, - сказала высокая, в стильном обтягивающем топике девочка. У этой девочки были просто огромные сиськи. Она была необыкновенно привлекательной, но такая привлекательность а-ля «малышка-с-отбеленными-зубами-и-

анорексией» привлекала Колина меньше всего. – Кстати, меня Катрина зовут.

Не то, подумал Колин, но близко.

- Amour aime aimer amour! [25] – громко произнес он.

- Пьер... – укоризненно произнес Гассан. – У него болезнь говорения плохих слов. Во Франции мы говорим «туреттс». Не знаю, как сказать на английский.

- У него синдром Туретта? – спросила Катрина.

- MERDE! [26] – радостно прокричал Колин.

- Да! – воскликнул Гассан. – По-английски то же, что и геморрой. Это мы узнать вчера, когда у Пьер гореть попка. У него туретта и геморрой, но он славный парень.

вернуться

23

«Титаны из штата Теннесси», футбольная команда г. Нэшвилл. – *Примеч. пер.*

вернуться

24

Меня зовут Пьер. Когда я еду в метро, то музыкально пержу.

вернуться

25

«Любовь любит любить любовь». Переведенная на французский цитата из «Улисса» Джеймса Джойса.

вернуться

26

Дерьмо!

- Ne dis pas que j'ai des hemorroides! Je n'ai pas d'hemorroide [27], – возмутился Колин, одновременно продолжая игру и пытаясь заставить Гассана сменить тему.

Гассан посмотрел на Колина, кивнул и сказал Катрине:

- Он сказал, что твое лицо прекрасно, как геморрой.

Тут Линдси Ли Уэллс рассмеялась и сказала:

- Ну ладно, хватит.

Колин повернулся к Гассану:

- Но почему геморрой? Как тебе это в голову взбрело?

Другой Колин (ДК), Джинсы Слишком Узки (ДСУ), Коротышка, Жующий Табак (КЖТ) и Катрина пооткрывали рты.

- Чувак, мой папа в прошлом году ездил во Францию, - объяснил Гассан, - и он рассказывал, как у него выскочил геморрой. Ему пришлось идти к врачу, показывать на попу и повторять «Огонь!» по-французски, а потом оказалось, что по-английски и по-французски геморрой будет одинаково. Да и не знаю я других французских слов. И потом, это ж умора - у тебя синдром Туретта и геморрой.

- Проехали, - сказал Колин и покраснел.

- Дико смешно, - сказал ДК. - Холлис они понравятся, да?

Линдси снова засмеялась и встала на цыпочки, чтобы поцеловать его.

- Здорово я тебя провела, зайчик?

- Ну, это они меня провели. - Увидев, что Линдси притворно надула губки, он наклонился и поцеловал ее в лоб. Колин подумал, что с ним тоже такое бывало, - только губы обычно надувал он.

С кладбища они пошли все вместе. Потная футболка Колина липла к спине, в висках все еще пульсировало. Теорема Предсказуемости Катерин, вспомнил он о своем озарении. Даже в названии было что-то настоящее. Он так долго ждал прорыва, что теперь ему хотелось остаться в тишине, наедине с карандашом, бумагой и калькулятором. Например, в машине.

Он осторожно дернул Гассана за штаны и многозначительно посмотрел на него.

- Нам нужен энергетический напиток, - сказал Гассан. - А потом мы, пожалуй, поедем.

- Тогда я открою магазин, - кивнула Линдси и повернулась к ДК. - Пойдем с нами, милый.

Ее приторно сладкий голос напомнил Колину о К. XIX.

- Я бы пошел, - сказал ДК, - да там на лестнице Холлис сидит, а мы с Чейсом сегодня работу прогуляли. Так что нам лучше не попадаться ей на глаза.

ДК повернул Линдси к себе и крепко обнял. Линдси поцеловала его. Потом, подмигнув новым знакомым, красавчик направился к красному пикапу, стоящему в отдалении. Свита последовала за ним.

Когда Линдси, Гассан и Колин подошли к магазинчику, на его ступенях сидела крупная женщина в цветастом платье. Она разговаривала с мужчиной, у которого была пугающе косматая борода.

- Значит, Старнс стрижет газон, - услышал Колин, - а потом отключает газонокосилку, задумывается и кричит мне: «Холлис! Что с этим чертовым псом?» Я ему говорю, что у пса воспалились анальные железы и из них только что откачали гной. Старнс покумекал немного и

выдал: «Так пристрели этого пса и заведи другого, с нормальными железами». А я ему: «Старнс, если уж в этом городе нет приличных мужиков, я, пожалуй, ограничусь любовью к своей собаке».

Бородатый мужчина чуть не лопнул от смеха, а рассказчица наконец заметила Линдси.

- С экскурсии? - спросила она. Линдси кивнула, и женщина продолжила: - Домой ты, гляжу, не торопишься.

- Прости, - пробормотала Линдси.

Кивнув на новых друзей, она сказала:

- Холлис, это Гассан и Колин. Мальчики, это Холлис.

- Известная также как мама Линдси Ли Уэллс, - объяснила Холлис.

- Не хвастайся, Холлис, - засмеялась Линдси, открыла магазин, и все вошли в торговый зал, где - о счастье! - работал кондиционер.

Холлис неожиданно развернула Колина и уставилась ему прямо в лицо.

- Я тебя знаю, - сказала она.

- А я вас нет, - ответил Колин и, чтобы его не сочли невежливым, пояснил: - Я вообще-то всегда запоминаю лица.

- Он не шутит, - подтвердил Гассан, выглядывая из-за стойки с комиксами. - А вы газеты тут получаете?

Линдси вытащила из-за прилавка вчерашний номер USA Today. Небрежно пролистав первые страницы, Гассан аккуратно сложил газету так, что была видна только маленькая черно-белая фотография мужчины с густыми волосами и в очках.

- Ты знаешь этого мужика? - спросил он Колина.

Колин прищурился:

- Лично не знаю, но его зовут Гил Штабель, и он президент компании «Фортиском»

- Молодец. Только он не президент «Фортиском».

- Президент, - уверенно сказал Колин.

- Ни фиги. Теперь уже не президент. Он помер.

Гассан развернул газету, и Колин прочел заголовок: «Президент „Фортиском“ погиб в авиакатастрофе».

- «Умные дети!» - триумфально воскликнула Холлис.

Колин посмотрел на нее с удивлением. Это шоу никто не смотрел, шло оно всего один сезон, и в Чикаго, городе, население которого перевалило за три миллиона, Колина никто не узнавал. Но здесь, в Гатшоте, штат Теннесси...

- О! - вскричала Холлис. - Что ты здесь делаешь, вундеркинд?

Колин задумался. А в самом деле, что?

- У меня был нервный срыв, потом мы поехали в путешествие, увидели знак на дороге про могилу эрцгерцога и свернули сюда. Потом я поранил голову, и у меня было озарение. Потом мы встретили ее друзей, а теперь хотим вернуться в машину, но сначала купить... Гассан, что мы хотим купить?

Холлис шагнула вперед и стала осматривать его забинтованный лоб. На лице ее сияла улыбка. Она не выдержала и потрепала волосы Колина.

- Не спеши уходить, - сказала она. - Я приготовлю ужин.

Гассан хлопнул в ладоши:

- Здорово! Я как раз хочу есть.

- Закрывай магазин, Линдс.

Линдси закатила глаза, но, похоже, ничего не имела против предложения поужинать у них.

- Ты езжай с Колином, - распорядилась Холлис, обращаясь к дочери. - А я поеду с... как там тебя зовут?

- Я не террорист, - выпалил Гассан.

- Ох, ты меня успокоил, - улыбнулась женщина.

Холлис и Гассан ехали впереди в новом розовом пикапе, а Колин следовал за ними на своем Катафалке. Линдси сидела рядом с ним.

- Шикарная у тебя тачка, - с сарказмом заметила она.

Колин промолчал. Линдси Ли Уэллс ему нравилась, но иногда казалось, будто она нарочно действует ему на нервы [28]. С Гассаном была та же проблема.

- Спасибо, что ничего не сказала, когда я был Пьером, а Гассан - Салинже.

- Ну, это было забавно. К тому же Колин иногда ведет себя как козел, и его не мешало проучить.

- Ясно, - сказал Колин. Он всегда говорил так, когда сказать было нечего.

- Так ты, значит, гений? - спросила она.

- Я вундеркинд. Выдохшийся.

- Ну и чем же ты хорош, кроме того, что все на свете знаешь?

- Ну да, я знаю несколько языков и много забавных фактов. Умею играть словами. Так, ничего полезного.

Он ощутил на себе ее пристальный взгляд.

- Языки знать полезно, - сказала она. - Ты на каких говоришь?

- Хорошо знаю одиннадцать. Немецкий, французский, латынь, греческий, голландский, арабский, испанский, русский...

- Я поняла, - перебила его Линдси. - Кажется, meine Mutter denkt, dass sie gut für mich sind [29]. Поэтому мы и сидим сейчас в этой машине вместе.

- Warum denkt sie das? [30]

- Ладно, мы только что доказали друг другу, что знаем немецкий. Она мне всю плешь проела, чтобы я поступила в колледж и стала... ну, не знаю, доктором, наверное. Только я никуда не поеду. Я уже решила. Останусь здесь. Может, она думает, что ты меня вдохновишь.

- Врачи зарабатывают больше денег, чем фельдшеры, - заметил Колин.

- Да, но мне деньги не нужны.

Линдси замолчала. Слышно было только урчание мотора. Колин оторвался от дороги и посмотрел на нее.

- Каждому человеку нужен дом, - объяснила она, - а мой дом здесь, мне здесь хорошо. Может, я и поступлю на курсы в Брэдфорде, чтобы Холлис успокоилась, но на этом точка.

Дорога круто забрала вправо, и за небольшой рощицей возник городок. Вдоль неширокой улицы стояли маленькие, ухоженные домики с крылечками, на которых сидели люди и пили чай, хотя было жарче, чем в аду. Колин заметил заправку с забегаловкой Taco Bell, парикмахерскую и местный почтамт, который размером был с просторный шкаф.

вернуться

27

Не говори, что у меня геморрой. У меня нет геморроя.

вернуться

28

Мама Колина называла это «заигрыванием», но Колин никогда не понимал почему.

вернуться

29

Моя мама считает, что ты мне подходишь.

вернуться

30

И почему это она так решила?

- А вон там - фабрика, - сказала Линдси, махнув рукой, и Колин увидел неподалеку кирпичный комплекс.

«Разве фабрики такими бывают?» - удивился он. Ни громадных стальных хранилищ, ни труб, извергающих клубы вредного газа, ни пикетов «зеленых» - ничего.

- И что же там делают?

- Там работают. Все нормальные рабочие места в городе - там. Мой прапрадедушка открыл эту фабрику в 1917 году.

Колин притормозил, пропуская вперед внедорожник.

- И все-таки что там делают? - спросил он.

- Ты будешь смеяться.

- Не буду.

- Поклянись.

- Клянусь.

- Это текстильная фабрика. Сейчас там изготавливают... э-э-э... шнуры для тампонов.

Колин не стал смеяться. Вместо этого он подумал: у тампонов есть шнуры? Зачем?

Из всех главных тайн Вселенной - касающихся ее происхождения, участия во всем этом Бога и т. д., - меньше всего он знал о тампонах. Для Колина тампоны были сродни медведям-гризли: он знал, что они существуют, но никогда не видел их собственными глазами, да ему не очень-то и хотелось.

В машине повисла мертвая тишина. Колин ехал вслед за розовым пикапом по мощеной улочке, которая круто уходила вверх. Старому двигателю Катафалка приходилось работать из последних сил. Когда они взобрались на холм, стало ясно, что эта уютная улочка - на самом деле длинная дорога к самому большому частному дому из тех, которые Колину приходилось видеть. И дом этот был вырвиглазно розовым.

Колин уставился на него, раскрыв рот, хорошо хоть успел поставить машину на тормоз.

Линдси пожалала плечами так, будто ей стало стыдно.

- Не бог весь что, но это наш дом, - сказала она.

К парадному крыльцу с массивными колоннами вела широкая лестница. Они поднялись, Холлис открыла дверь, и вся компания зашла в огромную гостиную, где стоял такой длинный диван, что на нем можно было разместиться впятером.

- Устраивайтесь как дома, отдохайте. А мы с Линдси приготовим ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

mir-knigi.org